

ев обращения хрониста к устной традиции: ссылка на информанта или общеизвестность сведений, вариативность и др. (см. А.С. Щавелёв).

Следующей ступенью является вычленение отдельных сюжетов или их взаимосвязанных групп, поскольку именно и только сюжет может стать предметом исследования: хронисты лишь пересказывали устное предание, в лучшем случае сохраняя основные элементы сюжета.

Выделенный сюжет может далее исследоваться по нескольким последовательным направлениям. Его структурно-мотивный анализ дает возможность установить основной, сюжетообразующий мотив, изменение которого ведет к замене одного сюжета другим, и ряд детализирующих его мотивов, которые носят факультативный характер и могут с достаточной лёгкостью опускаться, дополняться, видоизменяться, т.е. обеспечивают вариативность сюжета. Содержание и особенности основного и дополнительных мотивов в значительной степени являются показателями жанра устного текста, а подчас сохраняемые хронистами некоторые элементы исходной поэтики текста (например, формулы, зачины и т.п.) позволяют судить и о его форме (поэтической, например). Результатом анализа мотивов обоих уровней может также стать определение места, времени и обстоятельств возникновения сюжета, а при наличии компаративного материала – ключевых направлений модификации сюжета в процессе его устного бытования.

Следующий комплекс задач связан с использованием устного предания в памятниках раннего историописания. Едва ли не основными являются вопросы о причинах выбора того или иного сюжета историографом и, соответственно, о месте данного сюжета в идеологической и повествовательной ткани «истории», что в значительной степени определяет степень и характер переработки сюжета при его включении в письменный текст.

Историко-информационный потенциал устного источника, включенного в письменный текст, и определение степени достоверности донесённой до нас исторической информации полностью зависит от результатов указанных процедур.

А.М. Пашков (Петрозаводск)

**Кафедра вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ
в начале 1980-х годов: Е.И.Каменцева и А.Л.Станиславский
(по воспоминаниям аспиранта)**

Я поступил в аспирантуру на кафедру вспомогательных исторических дисциплин (далее ВИД) Историко-архивного института (далее ИАИ) в январе 1982 г. Историко-архивный институт имел тогда хорошую репутацию в стране, все знали, что там работали выдающиеся историки. Поступить туда в аспирантуру считалось большой

удачей. И там, действительно, учились студенты и аспиранты во всего Советского Союза. Во время подготовки к аспирантским экзаменам я познакомился в общежитии на Стромьнке с девушкой из Чечни и молодым литовцем, работавшими у себя в архивных учреждениях и поступавшими в заочную аспирантуру.

Одной из ведущих кафедр Историко-архивного института была, безусловно, кафедра вспомогательных исторических дисциплин. В тот период там работали Е.А. Луцкий, О.М. Медушевская, А.Т. Николаева, В.А. Муравьев, С.О. Шмидт, Л.Н. Простоволосова, А.Е. Чекунова, Е.П. Маматова и другие историки. За годы учебы в аспирантуре (1982–1984 гг.) я больше общался с Еленой Ивановной Каменцевой, которая была моим научным руководителем, и с Александром Лазаревичем Станиславским.

В 1976–1986 гг. кафедру ВИД возглавляла Е.И. Каменцева (1920–2004) (см. подробнее: Пашков А.М. Елена Ивановна Каменцева как человек и ученый // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 330–335; Он же. Елена Ивановна Каменцева и ее роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин (к 90-летию со дня рождения) // Вестник РГГУ: науч. журн. Сер. «Ист. науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». М., 2010. № 7(50). С. 220–227 (перепечатано: Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы XXII международной научной конференции. М., 2010. С. 75–82). В то время Е.И. Каменцева была уже вполне состоявшимся историком, доктором наук, профессором, автором ряда вузовских учебников по метрологии, хронологии, сфрагистике и геральдике (Хронология: Учеб. пособ. М., 1967. 187 с.; 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. 160 с.; Русская сфрагистика и геральдика: Учеб. пособ. 2-е изд., доп. М., 1974. 264 с. (в соавторстве с Н.В. Устюговым); Русская метрология: Учеб. пособ. 2-е изд. М., 1975. 326 с. (в соавторстве с Н.В. Устюговым) и др.) (полный список работ Е.И. Каменцевой и литературы о её жизни и деятельности, вышедшей до 2006 года, см.: Елена Ивановна Каменцева: Биобиблиографический указатель / Сост. Л.Н. Простоволосова, Е.В. Пчелов. М., 2006. 58 с.). Она была опытным и требовательным научным руководителем и предложила мне в качестве темы кандидатской диссертации изучить преподавание вспомогательных исторических дисциплин в Московском и С.-Петербургском (Петроградском) археологических институтах, существовавших на рубеже XIX–XX вв. Может быть, кому-то эта тема казалось второстепенной, но уже тогда многие специалисты в области этих дисциплин остро нуждались в достоверной информации о своих дореволюционных предшественниках. И это было вполне объяснимо. Специалисты в области вспомогательных исторических дисциплин в силу их специфике заинтересованы в знании трудов предшественников значительно больше, чем специалисты по другим разделам исторической науки. По

крайней мере на обсуждении текста моей диссертации на заседании кафедры в конце 1984 г. прозвучало мнение о том, что этот текст нужно иметь на кафедре в качестве справочного пособия.

Елена Ивановна была весьма авторитетным специалистом, постоянно выезжала в различные города для чтения там лекций, ее приглашали на многочисленные конференции. Она была постоянной участницей Нумизматических чтений в Государственном историческом музее, которые организовывала и проводила хорошая приятельница Елены Ивановны А.С. Мельникова.

Елена Ивановна поддержала и зарождавшийся тогда усилиями молодого исследователя Г.В. Вилинбахова Геральдический семинар в Государственном Эрмитаже, выезжала туда с докладом и содействовала в издании сборника материалов этого семинара (Геральдика. Материалы и исследования / Под ред. Г.В. Вилинбахова. Л., 1987. 147 с.), пристроив туда в качестве авторов своих аспирантов, автора этих строк и И.В. Борисова.

Среди персоналий моей кандидатской диссертации был известный геральдист В.К. Лукомский, который с 1909 г. окончил Петербургский археологический институт, а с 1912 г. преподавал там геральдику. Эвакуированный из блокадного Ленинграда в Москву В.К. Лукомский с конца 1942 г. и до своей кончины в июле 1946 г. был профессором кафедры ВИД (в апреле 1944 г. ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук). В то время Елена Ивановна уже была связана с кафедрой ВИД, в феврале 1942 г. она поступила в аспирантуру при этой кафедре, с марта 1943 г., не прерывая учебы в аспирантуре, стала лаборантом кафедры ВИД, затем начала вести занятия.

У Елены Ивановны на протяжении всей жизни сохранялся большой интерес к личности В.К. Лукомского. Уже в начале 1980-х гг. она располагала копией автобиографической «Хроники моей жизни» В.К. Лукомского, с которой она тогда же ознакомила И.В. Борисова и автора этих строк. Итогом всех усилий стала написанная Еленой Ивановной (в соавторстве с О.Н. Наумовым) брошюра о В.К. Лукомском, содержащая исчерпывающий библиографический указатель (Каменцева Е.И., Наумов О.Н. В.К. Лукомский. Жизнь и деятельность. Библиографический указатель. М., 1994. 72 с.). Таким образом, Елена Ивановна олицетворяла собой преемственность между специалистами в области вспомогательных исторических дисциплин дореволюционной школы и исследователями конца XX в.

Другим представителем славной плеяды историков, работавших на кафедре ВИД в тот период был А.Л. Станиславский (1939–1990). Он пришел на кафедру ВИД в октябре 1980 г. после долгой работы в должности научного сотрудника Архива Академии наук. К тому времени он уже защитил кандидатскую диссертацию и начинал со-

бирать материалы для докторской диссертации, посвященной роли казачества в событиях Смутного времени.

В историко-архивном институте Александр Лазаревич читал лекционные курсы и вел семинарские и практические занятия по исторической библиографии, источниковедению истории СССР советского периода, древнерусскому языку и палеографии. Кроме того он читал спецкурсы «Источники по истории дворянства» и «Источники по генеалогии дворянства и других сословий», вводя таким образом в перечень читавшихся по кафедре ВИД дисциплин курс генеалогии. Кроме того, его стараниями в 1984 г. на кафедре был восстановлен курс исторической географии, не читавшийся с 1960 г.

Я познакомился с Александром Лазаревичем, кажется, еще во время вступительных экзаменов. И уже в первых встреч с ним меня поразила его увлеченность своей научной темой, а также живой интерес к тому, как продвигаются мои дела и готовность дать самые разные полезные советы начинающему аспиранту. Значительную часть времени Александр Лазаревич проводил в Архиве древних актов, изучая различные документы XVII в. Я заметил, что он обычно либо приходил в Институт из Архива древних актов, либо после Института шел в этот архив. Очень часто, найдя интересный документ, он стремился как можно скорее его опубликовать. Я помню с какой радостью А.Л. Станиславский рассказывал об открытии неизвестного публицистического памятника «Повесть о Земском соборе 1613 года». Я присутствовал на заседании в Институте русского языка, где он делал доклад об этом памятнике и с упоением зачитывал длинные цитаты их этой «Повести» на древнерусском языке. Впоследствии этот источник был опубликован в журнале «Вопросы истории» (Повесть о Земском соборе 1613 года / Публ. подгот. к печати А.Л. Станиславский и Б.Н. Морозов // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96). Множество других нарративных и делопроизводственных источников конца XVI – первой половины XVII века были опубликованы им в журналах «Вопросы истории», «Советские архивы», в «Археографическом ежегоднике» и в других изданиях (см. подробнее: Александр Лазаревич Станиславский: Биобиблиографический указатель / Сост. Л.Н. Простоволосова; Вступ. статья А.Б. Каменский, И.Л. Беленький. М., 1999. 40 с.). Как-то Александр Лазаревич сказал, что на основе какого-то найденного им в архиве судебного документа XVII в. он написал историко-детективный очерк в популярную тогда газету «Неделя».

В памяти сохранилось несколько таких бесед на исторические темы в самых необычных обстоятельствах. В то время аспиранты и преподаватели Историко-архивного института были обязаны несколько раз в год вечерами выходить в народную дружину и помогать милиции поддерживать порядок в вечерней Москве. Аспирантов отправляли «дружинить» не спрашивая их согласия, а от препода-

давателей кафедры обычно в дружину шел Александр Лазаревич, поскольку по большей части преподавательский состав кафедры представлял собой женщин пенсионного возраста, а среди остальных Александр Лазаревич был самым безотказным. Я любил оказаться в одной с ним группе, поскольку мы сразу заводили разговоры об истории России, о его любимой Смуте, об историках. Александр Лазаревич много знал и был умелым рассказчиком. Много лет он работал в Архиве Академии наук, хорошо знал фонды многих известных историков и мог говорить об историографии XX века, так сказать, изнутри, на основе писем, дневников, неопубликованных рукописей ученых. Помню, мы говорили о судьбе архива С.Ф. Платонова, об интересе В.О. Ключевского к генеалогии холопов и о многом другом. Таких выходов было 2 или 3. Мы гуляли около какого-нибудь катка, около цирка на Цветном бульваре и разговаривали об истории.

Вторая памятная встреча произошла на полях какого-то совхоза в Дмитровском районе, где автор этих строк провел около месяца, руководя уборкой картофеля силами студентов ИАИ. По выходным к нам на помощь прибывал трудовой десант из преподавателей родного института. Однажды приехал и Александр Лазаревич. И опять потянулись разговоры об истории России в XVII в. В какой-то момент я упомянул Григория Котошихина, автора известного сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича» и Александр Лазаревич заметил, что это этот ценный источник недавно был издан в Англии. В середине 1990-х годов, оказавшись на стажировке в Школе славяноведения Лондонского университета я обнаружил эту книгу и вновь вспомнил Александра Лазаревича, его эрудицию и любознательность.

В апреле 1985 г. А.Л. Станиславский защитил докторскую диссертацию «Русское казачество в первой четверти XVII века». Ее основные положения изложены в посмертно изданной монографии Александра Лазаревича «Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории» (М., 1990), радикально изменившей существовавшие представления о событиях Смутного времени.

В декабре 1986 г. А.Л. Станиславский возглавил кафедру ВИД. Его избрание заведующим по времени совпало с началом перестройки в исторической науке. Именно А.Л. Станиславский был инициатором проведения ежегодных кафедральных конференций по актуальным вопросам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и организовал первые две таких конференции: «Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования» (январь-февраль 1989 года) и Первые чтения, посвящённые памяти А.А. Зиминой «Спорные вопросы отечественной истории XI–XVII веков» (май 1990 года).

Одной из последних работ, подготовленных А.Л. Станиславским (в соавторстве с Л.Н. Простоволосовой) была «История кафедры вспомогательных исторических дисциплин» (М., 1990. 72 с.). Эта работа не

была завершена и охватывала только период до конца 1940-х гг. История кафедры имеет столько замечательных имен и событий и настолько важна для исследователей отечественной исторической науки XX в., что, вероятно, имеет смысл продолжить эту работу и подготовить более полную историю кафедры с момента ее основания в 1939 г. и до начала XXI в., с приложением библиографии кафедральных изданий, перечня защищенных на кафедре диссертаций и т.д. Это был бы хороший вклад как в историю Историко-архивного института РГГУ, так и в историю отечественной исторической науки.

Р.А. Симонов (Москва)

Роль Кирика Новгородца (1110-после 1156) в научном изучении древнерусской хронологии

Кирик Новгородец устойчиво занял лидирующее место в историографии хронологии Древней Руси: «В Древнерусском государстве появились и первые работы, специально посвященные вопросам хронологии: например, «Хронологические статьи» Кирика (XII в.), которые служили важным историческим источником для изучения русской системы летосчисления» (Каменцева Е.И. Хронология. 2-е изд. М., 2003. С. 6–7). Но первые работы о Кирике-хронологе были скорее осудительными, чем одобрительными. Так, П.В. Хавский обнаружил у Кирика массу мнимых ошибок, и цель своего исследования видел в исправлении оных (Хавский П.В. Примечания на русские хронологические вычисления. Дополнительная выписка из вычислений Кирика XII в. // Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1847. № 6. С. 35–40).

Причиной ошибочного вывода П.В. Хавского о хронологоматематических слабостях работы Кирика «Учение им же ведати человеку числа всех лет» (1136 г.) является неготовность науки XIX в. правильно (адекватно) передать и воспринять древнерусский математический текст. «Учение» Кирика было впервые издано в 1828 г. митрополитом Евгением (Болховитиновым) в типографии, где отсутствовали литеры для древнерусских чисел, и они были набраны как придется. Например, знак 10 тысяч («тма») в виде сплошного кружка заменили круглыми скобками, а знак 100 тысяч («легион») в виде кружка из точек был опущен (Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1828. Ч. 4. Кн. 1. С. 122–129). Никаких пояснений на этот счет издатели не сделали, а П.В. Хавский на основе неточного набора (и в силу своего слабого знания предмета своего анализа – древнерусской математики) наивно заключил, что Кирик не умел правильно записывать числа.

В этой связи следует учесть, что за пять лет до П.В. Хавского в русской историографии, благодаря А.Х. Востокову, стало известно,